

Сергей Журавлев (Самара, Россия)
Жанна Журавлева (Самара, Россия)

ВИТЯЗЬ НА РАСПУТЬЕ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СЛАВЯНСКОГО ФЭНТЕЗИ

Сегодня общепринятым считается деление всей фантастической литературы на два основных направления: «science fiction» – научная фантастика и «sword and sorcery» – фантастика меча и магии. Последнее иначе называют «фэнтези» от английского «fantasy» – фантазия. Именно фэнтези считается «одним из самых молодых и динамично развивающихся жанров литературы»¹.

Родоначальником и основателем жанра фэнтези обычно называют английского профессора Джона Рональда Руэла Толкина (1892–1973), опубликовавшего свое первое произведение «Хоббит, или Туда и обратно» в 1937 году (которое стало своеобразным прологом к знаменитой эпопее «Властелин колец», увидевшую свет в 1954 году). Не меньший вклад в становление жанра внесла книга рассказов американского писателя Роберта Говарда (1906–1936) о Конане, варваре из Киммерии, опубликованная вскоре после смерти автора в 1937 году².

Но по настоящему фэнтези стало занимать умы читателей планеты в 1966–1967 гг., когда книги Толкина были изданы в США. Их выход совпал с переизданием всех произведений о Конане. И хотя герои Толкина среди бесчисленных приключений решали сложнейшие моральные и философские проблемы, а Конан из Киммерии предпочитал не ломать себе голову по таким пустякам, а проламывать головы противников с помощью дробящего или иного оружия, стало ясно – рождение нового жанра состоялось. Так что в 2007 году вполне можно отмечать 40 летний юбилей фэнтези как самостоятельного литературного направления.

Казалось бы, в условиях стремительного научно-технического прогресса в фантастике должен был бы превалировать интерес к

¹ Озерова Е. Фэнтези / Энциклопедия для детей. Том 15. Всемирная литература. Ч.2. XIX и XX века. – М.: Аванта+, 2002. С. 342.

² Сапковский А. Нет золота в Серых горах: Мир короля Артура. Критические статьи. Бестиарий. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. С. 199.

«science fiction». Но триумфальное шествие героев «меча и магии» по страницам мировой литературы сам Толкин в эссе «О волшебных сказках» объяснял так: «Поражённые недугом современности, мы остро ощущаем уродство наших творений, и то, что они служат злу. А это вызывает желание бежать – не от жизни, а от современности и от созданных нашими собственными руками уродств. Потому что для нас зло и уродство нераздельно связаны»³.

В отечественной литературе «фэнтези» еще более молодое направление, чем в мировой. В XX веке в СССР на фантастику смотрели, по выражению Александра Беляева, как на «Золушку от литературы». При этом допускалось существование только ее научного направления, которое могло зримо показать преимущества социалистического пути перед «загнивающим капитализмом». Поэтому и появление такого явления, как славянское фэнтези, стало возможным только в 90-е годы прошлого века, когда произошел отказ от единственно возможного для советской литературы метода социалистического реализма.

И если в основе классического «западного» фэнтези лежит германо-скандинавская и кельтская мифология, в особенности цикл легенд о короле Артуре и рыцарях Круглого стола, то основой славянской фэнтези стал древнерусский эпос и фольклор. Уже в сказках и былинах присутствуют главные жанровые признаки. Это и герои – Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович (по своим физическим и интеллектуальным характеристикам легко сводимые к толкиновской триаде – Гимли, Арагорн и Леголас), и злодеи – Кощей Бессмертный (этакий Саурон). Это и орки-половцы, и Тридевятое царство – Мордор. Совпадают и сюжетные цели: «Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что». Поэтому неудивительно, что вслед за волной героического фэнтези с Запада у нас пробился русчек фэнтези местного, славянского.

В 1995 году в связи с выходом книги Марии Семенович «Волкодав» издательство «Азбука» объявило о рождении русского Конана. Но родился не русский Конан, а феномен славянского фэнтези, которое вот уже двенадцать лет продолжает победное шествие по российским издательствам (а теперь еще и шагнуло на киноэкран).

³ Озерова Е. Фэнтези / Энциклопедия для детей. Том 15. Всемирная литература. Ч.2. XIX и XX века. – М.: Аванта+, 2002. С.343.

Последний воин из рода Серых Псов по своей природе оказался полной противоположностью говардовского киммерийца. Как заявила в одном из интервью сама Мария Семёнова: «Конан, – и его изначальный автор это все время подчеркивает, – этакий «природный человек», не испорченный условностями цивилизации и ведомый только своими первобытными инстинктами. Мой «варвар» Волкодав – продукт тысячелетней культуры. Только эта культура – другая, не всегда понятная цивилизованным книжным ученым... Так что Волкодав – это натуральный «Конан наоборот», созданный, в частности, еще и из чувства противоречия»⁴.

Сюжет «Волкодава» также ломает сложившиеся стереотипы и классические каноны. Герой не стремится на протяжении всей книги к заветной цели (в данном случае отомстить за погибший род), а напротив, начинает с ее исполнения. А потом пытается жить дальше, понять самого себя, осознать свое место в мире. Здесь есть и многочисленные приключения, опасности и испытания, обретение друзей и врагов. Здесь нет глобальных катаклизмов, абсолютного добра или зла. На первый план выступают люди, не то чтобы хорошие или плохие, а просто каждый со своей правдой. И сын вчерашнего кровного врага может стать другом, а тот, с кем недавно хотел смешать кровь, стать навеки побратимом, отвернется от тебя.

И хотя действие романа происходит в вымышленном мире, в веннах, сольвеннах, аррантах, сегванах Марии Семёновой, легко угадываются вполне реальные, исторические славяне, греки, скандинавы. Автор скрупулезнейшим образом воссоздает, а если нужно, то и додумывает, сочиняет недостающие этнографические, мифологические, бытовые и социальные аспекты жизни своих персонажей. И если мир Волкодава и уступает по масштабам толкиновскому Средиземью, то нисколько не уступает по части тщательности прописанных подробностей и обоснованности психологических мотивировок персонажей. Поэтому журнал «Мир фантастики» за январь 2007 года вполне обоснованно на своей обложке наградил Марию Семёнову титулом «Создательницы славянского фэнтези».

Тем более, что вслед за первой книгой о последнем воине из рода Серых Псов вышли еще четыре: «Волкодав. Право на поеди-

⁴«Действовать наверняка». Беседа с Марией Семеновой // Мир фантастики. 2007. № 1. С. 22–23.

нок», «Истовик-камень», «Знамение пути» и «Самоцветные горы». Издатели, вдохновленные успехом нового жанра, выпустили целую серию книг других авторов под общим названием «Мир Волкодава». Сама Мария Семенова всех этих авторов (за исключением Павла Молитвина) охарактеризовала так: «...Кто элементарно халтурил, кто действовал по принципу «что хочу, то и ворочу», кто докатился вовсе до... пародирования»⁵. Но что бы ни думала по этому поводу создательница жанра, он уже отделился от творца и зажил самостоятельной жизнью.

Другая писательница, чье творчество сочетает признаки исторических романов и славянского фэнтези – Елизавета Дворецкая. Например, в центре книг «Ветер с Варяжского моря» и «Колодец старого волхва» – события 997 года, когда викинги напали на Ладогу, а печенеги осадили Белгород. Фэнтезийных же сериалов у Дворецкой два: трилогия «Князя леса» и многотомная эпопея «Корабль во фьорде».

Сюжет «Князей из леса» основан на противоборстве двух оборотней: Огнеяра – сына Велеса и Громобоя – отпрыска Перуна. Первая книга, «Огненный волк» (1997), посвящена Огнеяру, самопознанию его судьбы и места в мире среди людей, зверей, богов. Второй роман – «Утренний всадник» (2002) – рассказывает о любви смертного князя по имени Светловой и богини весны Лели. И, наконец, в третьем томе – «Весна неизвестная» (2002) – состоится встреча оборотней на фоне природных катаклизмов, вызванных страстным желанием князя задержать на земле свою возлюбленную богиню.

Цикл «Корабль во фьорде» – фэнтези, скорее, не славянское, а скандинавское, основанное на мифологии наших северных соседей. Эта эпопея интересна своей схожестью с «Волкодавом» Марии Семёновой. При совершенно ином сюжете и антураже – приблизительно одинаковая временная эпоха, похожие места, близкая манера письма. То же отсутствие глобальности, та же сосредоточенность на психологических и социальных вопросах.

В целом, это направление славянского фэнтези можно весьма условно обозначить как «историческое» («толкиновское»).

Один из самых плодовитых и разносторонних российских фанта-

⁵ Там же, С.23.

стов – Юрий Никитин. Его перу принадлежат множество книг в жанре славянского фэнтези, которые объединены в циклы «Гиперборея», «Трое из леса» и «Княжеский пир». Эти романы выделяются высокой динамикой, в них громадное количество боевых сцен, что позволяет отнести их к «героической» («говардовской») ветви жанра.

«Гиперборея» насчитывает три книги. «Ингвар и Ольга» рассказывает о вторжении на славянские земли племени жестоких руссов с целью создания царства Новой Руси. «Князь Владимир» – само собой, посвящен нелегкой судьбе этого самого князя. «Князь Рус» – история несчастных, но борзых сыновей князя, Чеха, Леха и Руса, изжитых из дома злобной мачехой. В основе этого романа – легенда о происхождении чешского, польского и русского народов.

Цикл «Трое из леса» самый масштабный – полтора десятка книг и трое главных героев: Мрак, Олег и Таргитай. Уже из названия очевидна завязка сериала: решили как-то эти трое выйти из леса и достичь края земли. Собрались и пошли, невзирая на опасности, и уже во второй том («Трое в песках») влетели на ковре самолете, в третьем («Трое и Боги») спасают мир в борьбе с повелителями темных сил, в четвертом («Трое в Долине») сами становятся богами. В романе «Мрак» одноименный герой-оборотень начинает сольную карьеру, книга «Семеро Тайных» посвящена одиночеству и ученичеству волхва Олега, а в «Изгое» он создает свой собственный мир. Теперь основная сюжетная линия переносится сюда: романы «Фарамунд», «Гиперборей», «Святой Грааль», «Стоунхендж», «Откровение», «Башня-2», «Зачеловек».

Несложно заметить, что затянувшиеся приключения троих-из-леса (в ходе которых один становится богом, другой получает бессмертие, третий балуется созданием миров) куда сильнее напоминает западные сериалы героического фэнтези, чем того же «Волкодава». Книги Юрия Никитина все дальше и дальше уходят от того доброго и вечного, славянского, которое с таким огромным трудом породили герои Семёновой и Дворецкой. Да и язык этих романов отличается заведомой стилистической небрежностью и не претендует на звание великого и могучего. Тем не менее, тиражи свидетельствуют: героическая ветвь славянского фэнтези пользуется не меньшим спросом, чем «историческая», и первую скрипку здесь играет именно Юрий Никитин.

Особняком стоят произведения, в которых самостоятельной художественной силой является смех. Многие из них, несмотря на явное наличие славянского элемента, не вполне попадают в границы славянского фэнтези. Например, юмористический сериал Михаила Успенского о богатыре Жихаре является скорее литературной пародией на грани фарса. Вместе с Жихарем действуют не только царь Соломон и король Артур, но и божество Пропп, князь Матрос, витязь Как по прозвищу Закаленная Сталь⁶. Налицо устойчивые ассоциации, связанные не только с европейской мифологической традицией, но и с архетипами, созданными советской литературой и усвоенными поколениями, получившими классическое среднее образование в СССР. Для Андрея Белянина сказочный антураж его произведений из цикла «Тайный сыск царя Гороха» является поводом для создания комических ситуаций, в которые попадают главные герои. В данном случае акцент переносится на развлекательную функцию литературы, характерную для русской народной сказки. Но в этом есть свои положительные стороны. Внешняя простота формы привлекает детскую аудиторию и, реализуя принцип «развлекая, поучай», создает предпосылки для формирования стойкого интереса к славянскому эпосу.

Таким образом, можно констатировать, что славянское фэнтези в своем развитии повторило уже известные направления этого жанра: историческое, героическое, юмористическое. Какие-либо основания считать его самостоятельным открытием отечественной литературы на данный момент отсутствуют. Своеобразные, отличительные черты, свойственные славянскому фэнтези, есть не что иное, как результат влияния традиций развития всей национальной литературы, в том числе и устного народного творчества. Любое культурное заимствование в процессе адаптации претерпевает определенные изменения и, как правило, приобретает национальное своеобразие. В любом другом случае мы можем говорить о культурной экспансии иной литературной традиции.

Успехи научно-технического прогресса и постоянный рост зависимости человека от технических изобретений актуализируют категорию волшебного в человеческом сознании. Перестав удивляться

⁶ Успенский М. Там, где нас нет: Роман. – СПб.: Азбука, 2000. С. 16-17.

чудесам науки, наша душа требует чуда в какой-либо иной форме. Эту особенность фантастического в свое время отмечал и Станислав Лем: «...Робот, с которым можно спеть романс, или машина-телепат – это действительно фантастические объекты, но иного порядка, чем гномы, духи и вампиры или же греческие и индийские боги. Нереальность первых можно будет когда-нибудь в процессе исторического развития исправить, лишив их ореола фантастичности»⁷. Поэтому фэнтези было и будет самым ирреальным из фантастических жанров литературы.

⁷ Лем С. *Фантастика и футурология: В 2 кн. Кн. 1 – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. С.23.*